

Вечером, выходя из дома, Бо Хуай нос к носу столкнулся с госпожой Тан.

Заметив его, Тан Цинцин приветливо улыбнулась:

— Сяо Хуай, ты к Сяо И?

Бо Хуай вежливо наклонил голову:

— Да, столкнулся со сложными задачками, решил проконсультироваться.

— Какой прилежный мальчик! Заходи, конечно. Только Сяо И сейчас в душе, придётся немного подождать. А мне пора бежать, нужно встретить в аэропорту его отца.

— Хорошо. Счастливого пути, тётушка Тан.

— Спасибо, милый. И вы тут... не скучайте.

Договорив, Тан Цинцин упорхнула на удивление легко и стремительно. Нарядная, благоухающая, с охапкой цветов в руках — несмотря на то что ей давно перевалило за сорок, в её глазах горел тот самый девичий восторг, какой бывает лишь перед долгожданным свиданием с любимым человеком.

И ведь расстались они всего на пару дней — она вернулась из поездки чуть раньше мужа.

Всё-таки соседи напротив у него замечательные.

Бо Хуай невольно улыбнулся. Он не спеша поднялся на второй этаж, остановился у комнаты Цзянь Сунъи и негромко постучал.

Сквозь запертую дверь доносился приглушённый шум воды. Голос Цзянь Сунъи прозвучал неразборчиво:

— Мам, я в душе!

— Это я, — отозвался Бо Хуай.

— А, заходи.

Бо Хуай церемониться не стал. Нажал на ручку и вошёл.

В прошлый раз, когда он заходил сюда, состояние Цзянь Суньи испугало его настолько, что он потерял всякое самообладание. Схватил парня в охапку и унёс, даже не успев толком осмотреться.

Только сейчас Бо Хуай заметил, как сильно изменился интерьер. Судя по всему, здесь сделали капитальный ремонт.

Прежние нежно-голубые тона уступили место строгой палитре из серого, чёрного и белого.

Со стен исчезли детские грамоты и бумажные похвальные звёздочки, уступив место выстроившимся на полках сияющим кубкам.

Там, где раньше громоздился трек для игрушечных гоночных машинок, теперь красовался колоссальных размеров замок из Лего.

Старенький пузатый монитор сменил мощный игровой компьютер с двумя ультратонкими экранами.

Казалось, от прошлого здесь не осталось и следа.

Но взгляд Бо Хуая почти сразу зацепился за ту самую молочную конфету на прикроватной тумбочке. Она лежала ровно там, где он её оставил.

Малыш действительно вырос. Вытянулся под метр восемьдесят пять и разлюбил сладости.

Три года его отсутствия оказались периодом самого стремительного взросления.

Бо Хуай почувствовал укол глухого сожаления. И зачем только он тогда уехал? Если бы не эти три года разлуки, возможно, сейчас он куда лучше понимал бы, как найти подход к своему ершистому другу.

Тогда ему не приходилось бы действовать столь неуклюже и упрямо: плутать по глухим закоулкам в поисках полузабытой лавки лишь ради того, чтобы отыскать коробку конфет, которые вот-вот снимут с производства. Просто потому, что в памяти всё ещё жил образ капризного мальчишки, выпрашивающего именно это лакомство.

Ему безумно хотелось спросить напрямую, кто теперь нравится Цзянь Суньи.

Но чувства, которые он столько лет бережно прятал в самых глубоких тайниках души, невозможно было облечь в простые слова.

Он хотел окружить его заботой, но панически боялся выдать себя, а потому раз за разом прикрывался колкостями и шутливыми придирками.

Бо Хуай страшился, что если эта потаённая страсть вырвется наружу, она не встретит взаимности — и тогда рухнет даже их хрупкая дружба.

С самого детства он привык быть первым во всём и искренне верил, что для него нет невыполнимых задач.

Но Цзянь Сунъи был слишком дорог. Рядом с ним Бо Хуай боялся сделать хоть один неверный шаг.

Ведь этот мальчишка оставался единственной цветущей розой в безрадостной пустыне его одиноких детских лет.

Бо Хуай взял конфету, рассеянно покрутил её в пальцах и уже собирался спрятать в карман брюк.

В этот момент дверь ванной с негромким щелчком распахнулась.

— Эй, ты зачем мою конфету воруешь?

Бо Хуай обернулся и замер.

Из клубов пара вышел Цзянь Сунъи, на чьих бёдрах держалось лишь наспех повязанное полотенце.

Сам хозяин комнаты не усмотрел в своём облике ничего предосудительного. Он преспокойно отобрал у Бо Хуая конфету, ловко развернул фантик и отправил сладость в рот.

— Что за привычка — забирать назад подарки?

Бо Хуай нахмурился, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица:

— Цзянь Сунъи.

— Чего?

Цзянь Сунъи вскинул голову. Крупная капля воды сорвалась с влажных волос и медленно скользнула по виску, очертила ключицу, прокатилась по рельефным кубикам пресса, опустилась к линии паха и скрылась под махровой тканью полотенца.

Перекатывая за щекой конфету, он удивлённо прищурился:

— Ты чего так грозно на меня смотришь? Подумаешь, конфету съел. Нашёл из-за чего злиться.

У Бо Хуая едва заметно дёрнулась вена на виске. С трудом подавив вспыхнувшую в груди волну жара, он выдавил сквозь зубы:

— Оденся.

— Оденусь, оденусь. Чего ворчать-то... — пробормотал Цзянь Суньи.

Он небрежно подошёл к кровати, взял чистые домашние штаны и, ничуть не смущаясь присутствием друга, рванул край полотенца.

Чёрное нижнее бельё, безупречные длинные ноги и упругие, обманчиво хрупкие очертания бёдер.

Бо Хуай шумно выдохнул, пулей вылетел в коридор и с грохотом прихлопнул за собой дверь.

— Как закончишь, позовёшь! — ледяным тоном бросил он снаружи.

Цзянь Суньи лишь недоумённо фыркнул ему вслед:

— Ну и чистюля. Будто первый раз меня голым видишь.

Прислонившись спиной к стене коридора, Бо Хуай устало прикрыл глаза и потёр переносицу.

— Цзянь Суньи, ты теперь Омега. А я — Альфа.

В комнате мгновенно воцарилась мёртвая тишина.

Представив, какая забавная мина сейчас у молодого господина Цзяня, Бо Хуай не выдержал и тихонько рассмеялся. Злость улетучилась, оставив лишь лёгкую иронию.

«И когда только до этого упрямца дойдёт, что мы больше не просто два приятеля одного пола?»

Хотя... чертовски хорош.

Кожа белая, талия тонкая, бёдра подтянутые.

Бо Хуай невольно зажмурился, позволяя себе на мгновение запечатлеть в памяти эту соблазнительную картину.

Когда дверь наконец отворилась, молодой господин Цзянь стоял на пороге, застёгнутый на все пуговицы — казалось, он застегнул бы воротник и выше подбородка, будь там ещё одна петля.

Вид у него был насупленный и крайне недовольный.

Бо Хуай прекрасно понимал: парень просто сгорает от стыда.

В амурных делах этот балбес был непроходимо глуп, но уязвить его самолюбие не стоило никакого труда. Раз уж признаваться в чувствах Бо Хуай пока не планировал, следовало сдать назад.

Одно дело — тайно любоваться им, и совсем другое — откровенно дразнить. Слишком померзавцу бы вышло.

Поэтому он воздержался от привычных подколов и сразу перешёл к делу:

— Ну что, готов?

— Всегда готов.

— Первый этап тренировки: нужно продержаться десять минут. Если почувствуешь, что не выдержишь... — Бо Хуай на секунду задумался, а затем лукаво прищурился: — Скажи: «Брат Хуай, пожалуйста, прекрати», — и я сразу уберу феромоны.

После таких слов Цзянь Сунъи поклялся себе, что скорее умрёт прямо на этом месте, чем сдастся.

— Бо Хуай, совесть у тебя есть? В школе корчишь из себя неприступного святошу, а наедине превращаешься в... С-с-с...

Договорить он не успел. Воздух в комнате мгновенно взорвался густым, пронизывающим ароматом соснового бора после снегопада. Феромоны за долю секунды уплотнились, превращаясь в невидимую ледяную стену, которая навалилась на Цзянь Сунъи всей своей колоссальной мощью. Сила давления заставила его согнуться, подкосила колени и заставила опустить голову.

Стиснув зубы, Цзянь Сунъи упёрся ладонями в собственные колени. Каждое сухожилие натянулось до предела, когда он упрямо попытался выпрямиться и поднять голову.

Его тело мелко дрожало от колоссального напряжения.

Влияние генетики, первобытная мощь доминантного Альфы — вот какими они оказались на самом деле.

Каждая клетка его тела вопила о необходимости подчиниться. Разум шептал: «Просто склонись, покажи слабость, и эта невыносимая тяжесть сменится блаженным облегчением и лаской».

Но вместо спасительной капитуляции он выбрал муку. Ему казалось, будто кости трещат под прессом, а мышцы разрываются на части.

И вдруг Цзянь Сунъи слабо усмехнулся.

Преодолевая давление, он заставил себя вскинуть подбородок. Бледный как смерть, с покрасневшими от натуги глазами, он упрямо взирал на соперника. На его побелевших губах играла дерзкая, высокомерная улыбка.

— Нападаешь исподтишка? Подло, Бо Хуай.

Острый, точёный подбородок, упрямая линия челюсти, изящный изгиб напряжённой шеи в тёплом свете ламп — в этот миг он был невероятно, ослепительно красив.

Словно дикая роза, проросшая сквозь камни на краю отвесной скалы и распустившаяся вопреки всему, презирая бури и ураганы.

Бо Хуай смотрел на него и думал:

«Разве может хоть кто-то в этом мире устоять перед такой красотой?»

Как же ему хотелось сорвать этот цветок, унести в свой закрытый сад, укрыть от невзгод и сделать безраздельно своим, чтобы любоваться им вечно.

Но тогда эта роза утратила бы свой дикий шип и стала бы точной копией тысяч других тепличных цветов.

Бо Хуай отвёл взгляд и холодно произнёс:

— Если на тебя нападёт чужой Альфа, он не станет предупреждать заранее.

— Справедливо, — процедил Цзянь Сунъи, силясь удержать ухмылку. — И это всё, на что ты способен? Слабовато. И как тебе только удавалось подавлять других Альф? Небось, всё это были дешёвые слухи?

— Это лишь разминка. Двадцать процентов мощности.

—...

«Всего двадцать процентов... и уже так тяжело?»

Цзянь Сунъи мысленно выругался.

— Что ж, значит, мне предстоит долгий путь.

— Прошло восемь минут. Держись ещё две.

— Думаю, ты можешь накинуть ещё процентов двадцать. Сейчас мне слишком просто.

Кое-как выпрямившись, Цзянь Сунъи заносчиво вскинул брови и скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя превосходство.

Бо Хуай облегчённо выдохнул. Выносливость друга превзошла все ожидания.

Однако внешне он остался суров и беспристрастен, точно опытный инструктор:

— Уверен, что готов к сорока процентам? Под таким натиском согнётся любой среднестатистический Альфа.

— Что-то ты слишком мягкотел для грозного доминанта. Смотри, разрушишь свой образ ледяного бога.

—...

«И откуда в нём столько дерзости?» — пронеслось в голове у Бо Хуая.

— Время вышло. Пять минут перерыва, затем увеличим нагрузку.

Цзянь Сунъи упрямо мотнул головой:

— Без передышек. Давай сразу.

— Но твоё тело...

— Плевать. Если на меня нападёт реальный противник, он тоже предложит мне перекурить?

А ведь логично.

Бо Хуай не стал спорить.

В следующее мгновение плотность феромонов возросла вдвое. Цзянь Сунъи явно недооценил сокрушительную мощь сорока процентов — удар оказался настолько резким и тяжёлым, что ноги у него подкосились, и он едва не рухнул на колени.

Но в самую последнюю секунду он совершил невозможное — удержался.

Он замер буквально в нескольких сантиметрах от пола.

Уперевшись носком одной ноги и скрюченными пальцами рук в пол, он отчаянно боролся с гравитацией. Его костяшки сначала побелели, а затем посинели от бешеного напряжения, руки мелко и часто дрожали.

Тонкий шёлк пижамы плотно обтянул его тело, отчётливо обрисовывая рельеф напряжённой спины и острые лопатки.

Ужасающее давление перехватило дыхание, с лица юноши сошли последние краски.

Крупная капля пота скатилась по лбу и с тихим стуком разбилась о паркет.

Ему было чертовски больно.

На долю секунды Бо Хуай поддался порыву прекратить это безумие. Ему безумно захотелось убрать ауру, подхватить Цзянь Сунъи на руки, прижать к себе и прокричать: «Да к чёрту эти тренировки! Я всегда буду рядом, неужели я не смогу тебя защитить? К чему это упрямство? Зачем ты истязашь себя?!»

Он едва не поддался этой слабости.

Но Бо Хуай не просто желал этого упрямого парня. Он любил его, знал каждую чёрточку его характера и, самое главное, бесконечно верил в его силы.

И предчувствие его не обмануло. Спустя мгновение Цзянь Сунъи оторвал ладони от пола и, шумно выдохнув, начал дюйм за дюймом расправлять спину.

Едва он поднялся наполовину, как мышцы свело судорогой, и тяжесть вновь заставила его согнуться.

Он снова упёрся руками в пол, снова предпринял попытку встать — и снова безуспешно.

Толчок, рывок, падение.

Этот изнурительный цикл повторялся раз за разом, и на тёмных досках пола росла лужица из капель пота.

Смотреть на это было выше сил Бо Хуая — в груди у него всё болезненно сжалось.

Это испытание терзало не только Омегу, оно калёным железом жгло душу самого Альфы.

Он до боли сжал челюсти и опустил глаза, не в силах больше выносить это зрелище.

И вот, сквозь тяжёлое хриплое дыхание, раздался до боли знакомый, насмешливый голос:

— И это... всё? Слабак ты, Бо Хуай. Думал, будет сложнее.

Бо Хуай резко вскинул голову.

Цзянь Сунъи стоял перед ним. Спина натянута как струна, подбородок высоко поднят. На бледном лице сияли торжествующие глаза, а губы кривились в победной, дерзкой ухмылке. Он выглядел невероятно гордым и непокорным.

— Ну что? Убедился, на что способен твой брат Сун?

Этот безумный, неукротимый юношеский пыл ранил Бо Хуая в самое сердце.

Он молча всматривался в покрасневшееся лицо друга, не в силах вымолвить ни слова.

В комнате повисла звенящая тишина.

А затем Бо Хуай сделал широкий шаг вперёд и крепко, до хруста рёбер, обнял его. Его пальцы запутались в мягких влажных волосах на затылке Цзянь Сунъи, бережно прижимая его голову к своему плечу.

Ледяное и удушающее давление сосновых феромонов мгновенно рассеялось, уступив место мягкому, обволакивающему теплу весенней оттепели.

Это объятие было внезапным, но бесконечно нежным.

Цзянь Сунъи оцепенел. Лишь спустя несколько секунд до него дошёл смысл происходящего:

— Бо Хуай, ты с ума сошёл? Решил воспользоваться моей слабостью?!

Бо Хуай тихо усмехнулся ему в макушку:

— Если бы я хотел тобой воспользоваться, от тебя бы уже и мокрого места не осталось.

Вспомнив недавние сокрушительные сорок процентов, Цзянь Сунъи вынужден был признать его правоту. Возразить было нечего.

— Тогда к чему эти нежности?

— Это обязательная реабилитация после тренировки.

— Что?

— Если после такого стресса Омегу не успокоить, у него выработается психологический блок. Твой организм начнёт отторгать мои феромоны, и ты станешь меня панически бояться.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

— Ладно уж, так и быть.

Цзянь Сунъи недовольно насупился, но сопротивляться не стал, хотя в его душе всё ещё копошились сомнения.

Уткнувшись подбородком в плечо друга, Бо Хуай позволил себе облегчённо улыбнуться.

Только в такие редкие минуты, скрывая лицо, он мог дать волю переполнявшим его чувствам — нежности, любви и щемящей жалости, которые приходилось так тщательно прятать ото всех.

«Прости мне это маленькое корыстолюбие», — мысленно попросил он.

С этого ракурса его взгляд невольно упал на дальнюю полку открытого стеллажа. Там, в самом углу, сиротливо примостилась старая жестяная банка из-под леденцов.

Потёртая, с облупившейся краской и множеством царапин — именно в таких продавались те самые молочные конфеты, которые Сяо И обожал в детстве. А на крышке кривыми детскими каракулями, выведенными фломастером, красовалась надпись: «Брат Хуай».

Это был самый первый подарок, который Бо Хуай преподнёс ему на пятилетие.

Бо Хуай ощутил, как тёплая волна затапливает грудь. Время оказалось гораздо милосерднее, чем он привык думать. Даже в этой безответной, тщательно скрываемой любви судьба оставила ему крохотную лазейку, подарив бесценное утешение сквозь долгие годы разлуки.

Он тихонько рассмеялся и уже собирался выпустить Цзянь Сунъи из объятий, пока тот окончательно не ошетинился, как вдруг замок громко щёлкнул, и дверь распахнулась.

— Сяо И! Папочка вернулся! Смотри, что я тебе при... ве... Ох. Извините, мне следовало постучать.

Дверь с грохотом захлопнулась обратно.

Из коридора донёсся театральный, ничуть не приглушённый шёпот господина Цзяня:

— Тс-с-с! Не мешай им! Наш сын завёл интрижку!

Цзянь Сунъи медленно повернул голову к Бо Хуаю. В его глазах читалось искреннее отчаяние:

— Бо Хуай... Скажи мне честно. Чем я тебе так насолил, что ты решил окончательно разрушить мою жизнь?

<http://bllate.org/book/20583/2134918>